

Палгрев Уильям Джиффорд

**Путешествие по Средней и
Восточной Аравии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 379.85
ББК 75.81
У36

У36 **Уильям Джиффорд П.**
Путешествие по Средней и Восточной Аравии / Палгрев Уильям Джиффорд – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 438 с.

ISBN 978-5-521-27122-1

ISBN 978-5-521-27122-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПУТЕШЕСТВІЕ по СРЕДНЕЙ И ВОСТОЧНОЙ АРАВІИ.

ГЛАВА I.

Пустыня и ея обитатели.

«По моему мнѣнію, сѣдой варваръ имѣе
христіанскаго ребенка».

Тенинсонъ.

Отъѣздъ изъ Мана. — Наши товарищи-бедуины. — Наша акклиматизация и костюмъ. — Колодцы Уохбы. — Пять дней въ Каменистой пустынѣ. — Способъ путешествія. — Первый извѣстія о Телл-эль-Рашидѣ. — Колодцы. — Приближеніе къ Уади Серхану. — Лагерь въ Шираратѣ. — Гостепріимство бедуиновъ и разговоръ съ ними. — Соціальное положеніе ихъ. — Самхъ и Мезаа. — Войны бедуиновъ. — Дорога къ Уади Серхану: песчаные холмы и Гхада. — Замѣчанія о верблюдахъ. — Аззамъ-Шираратъ Маггуасскій. — Перемѣна проводниковъ. — Дорога къ Джоуфу: страусы, спорпюны. — Джебал-эль-Джоуфъ: деревня Джунъ. — Первая встрѣча съ жителями Джоуфа. — Узкіе проходы долины.

«Постараемся наконецъ пріобрѣсти точныя и подробныя свѣдѣнія объ Арабскомъ полуостровѣ. Съ его берегами мы уже въ большой степени знакомы; нѣкоторыя изъ его приморскихъ провинцій были если не вполне, то достаточно изслѣдованы; Йемень и Хеджазъ, Мекка и Медина перестали быть для насъ тайною; мы не лишены также свѣдѣній о Хадрамаутѣ и Оманѣ. Но что, за исключеніемъ разсказовъ, по необходимости лишенныхъ точности и полноты, знаемъ мы о внутренности этой обширной страны, объ ея равнинахъ и горахъ, племенахъ, городахъ, образахъ правленія и учрежденіяхъ, объ ея жителяхъ, ихъ правахъ и обычаяхъ, объ ея со-

ціальномъ положеніи, — относительно того, какъ далеко подвинулась она на пути цивилизаціи, или насколько глубоко погружена въ варварство? Пора пополнить этотъ пробѣлъ на картѣ Азіи, и мы постараемся теперь сдѣлать это во что бы то ни стало — будетъ ли лежащая передъ нами земля нашею могилой, или же мы пройдемъ по ней во всю ея ширину, и узнаемъ, что она содержитъ въ себѣ отъ одного берега до другого. *Vestigia nulla retrorsum*».

Таковы были мои мысли, и болѣе или менѣе, какъ я полагаю, мысли моихъ товарищей, когда съ наступленіемъ ночи мы выступили за восточныя ворота Маана, въ то время какъ арабы, наши проводники и спутники, наполняли свои кожаные мѣхи водою изъ брызжущаго источника у самыхъ стѣнъ города и прилаживали сѣдла и выюки своихъ верблюдовъ, приготовляясь къ длинному путешествію. Это было вечеромъ 16 іюня 1862 г.; самыя крупныя звѣзды появились уже въ темносиней глубинѣ безоблачнаго неба: недавно родившійся мѣсяцъ, высоко поднявшись на западѣ, сіялъ тѣмъ блескомъ, какимъ онъ обыкновенно сіяетъ на этихъ небесахъ, и обѣщалъ намъ свою помощь на нѣсколько часовъ нашего ночного пути. Скоро мы взобрались на своихъ тощихъ длинношейхъ животныхъ, «какъ будто», по выраженію одного арабскаго поэта «мы и наши люди находились на вершинѣ мачтъ», обратясь лицомъ къ востоку. За нами массою темныхъ чертаній лежали стѣны и крѣпость Маана, его дома и сады, а въ глубинѣ за ними рядъ высокихъ обнаженныхъ Шеррааскихъ горъ, сливавшихся съ прибрежною горпою цѣпью Хеджаза. Впереди и вокругъ насъ разстилалась обширная и плоская равнина, чернѣвшая отъ безчисленнаго множества базальтовыхъ и кремневыхъ камней, за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ лунные лучи сіяли бѣлымъ свѣтомъ на небольшихъ промежуткахъ чистаго песка, или на желтоватыхъ полосахъ засохшей травы, скуднаго продукта зимнихъ дождей, теперь превратившагося въ сѣно. Надъ всѣмъ парило глубокое молчаніе, которое, повидимому, боялись нарушать даже наши арабскіе спутники. Они говорили полупонимомъ, ограничиваясь немногими словами, между тѣмъ какъ безшумный шагъ нашихъ верблюдовъ осторожно, но быстро подвигалъ насъ во мракѣ, не нарушая этой тишины.

Въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторыя предосторожности не были излишними: та часть нашего пути, на которую мы теперь вступали, была далеко не безопасна. Мы направлялись въ Джоуфъ, ближайшій изъ

обитаемыхъ округовъ Средней Аравіи, составляющій въ сущности ея вѣшнюю станцію. Промежуточный трактъ представлялъ почти по всему протяженію двойную опасность: отъ разбойниковъ и отъ безводія, отъ шаекъ грабителей и отъ лѣтней засухи. Разстояніе, которое намъ предстояло пройти, составляло двѣсти миль по прямой линіи, и существовала вѣроятность, что различныя неизбѣжныя случайности сдѣлаютъ нашъ путь еще болѣе длиннымъ. Колодцы—эти межевые знаки путешественника въ Аравіи, съ которыми онъ долженъ сообразовать свой путь, расположены обыкновенно не съ математическою прямизною; и, кромѣ того, необходимость избѣгать областей, посѣщаемыхъ враждебными или подозрительными племенами, часто заставляетъ бедуина избирать необычный и обходный путь.

Да и самое общество, въ которомъ мы находились теперь, было не такого рода, чтобы успокоить наши умы, въ особенностяхъ въ началѣ подобнаго путешествія. Правда, на моего личнаго товарища — уроженца деревни Захле, въ долинахъ Целе-Сиріи, — я могъ положиться вполне. Смѣлый, молодой и предприимчивый, онъ принадлежалъ къ мѣстности, жители которой привыкли къ опасностямъ; отсюда презрѣніе, съ которымъ они смотрятъ на сосѣднія племена, дѣлаетъ ихъ, сравнительно съ большинствомъ ихъ соотечественниковъ, менѣе воспріимчивыми къ страху въ чужой странѣ. Но наши товарищи бедуины были страшный народъ. Ихъ было трое; предводитель ихъ, Селимъ-ал-Атнехъ, принадлежалъ къ многочисленному и энергичному племени Гауитатскихъ арабовъ, населяющихъ горный округъ отъ Кирава на Мертвомъ морѣ до Маана. Нашъ другъ былъ членъ могущественной между ними фамиліи и находился въ близкомъ родствѣ съ вождями племени, по неоднократнымъ грабежамъ и разбоями, и по временамъ убійствами, онъ пріобрѣлъ такую несчастную извѣстность, что теперь находился въ положеніи едва ли лучшемъ, чѣмъ въ положеніи какого нибудь отверженнаго преступника. Онъ былъ худощавъ и смуглъ; его тонкія, сжатые губы показывали твердую рѣшимость и отвагу, а спокойствіе его сѣрыхъ глазъ обнаруживало хладнокровіе и обдуманность не безъ нѣкоторой примѣси вѣроломства.

Однакоже, каковы бы ни были недостатки его наружности или его хорошо извѣстной біографіи, его здравый смыслъ и мужественный характеръ представляли нѣкоторое основаніе полагаться на его вѣрность въ настоящемъ случаѣ; чело-

вѣку храброму и предусмотрительному можно довѣриться въ известной степени. Но едва ли я могу сказать то же о двухъ его товарищахъ—Али и Джорди, шераратскихъ бедуинахъ, настоящихъ варварахъ и по наружности, и по характеру, дивихъ, непостоянныхъ, безпокойныхъ, умъ которыхъ былъ столько же ограниченъ, какъ и его развитіе. Даже самъ Селимъ неоднократно совѣтовалъ намъ избѣгать всякой фамиллярности съ ними, которая могла бы уменьшить невольное благоговѣніе дивихъ къ цивилизованному челоѣку.

Длинная, очень грязная рубашка, достигающая почти до лодыжекъ, черный бумажный платокъ на головѣ, приерѣпленный шнуркомъ изъ верблюжьяго волоса, изорванный плащъ съ бѣлыми и коричневыми полосами, кожаный поясъ еще худшаго качества, на которомъ висѣлъ заржавѣвшій ножъ, длинноствольное тяжелое ружье съ фитилемъ, длинное копье съ острымъ концомъ, патронташъ, изорванный и грубо зачиненный бѣлыми нитками, — такова была экипировка этихъ достойныхъ личностей, и таковъ обыкновенный костюмъ бедуина во время путешествія.

Я и мой товарищъ были одѣты подобно обыкновеннымъ путешественникамъ средней руки во внутренности Сиріи. Въ этомъ нарядѣ мы уже проѣхали отъ Газы, на морскомъ берегу, до Майна, и не возбуждали особеннаго любопытства или несвоевременныхъ разспросовъ со стороны встрѣчавшихся съ нами людей, когда переѣзжали страну, столько разъ уже описанную Пококкомъ, Лабордомъ и проч. подъ именемъ Каменистой Аравіи, что было бы излишнимъ вновь рассказывать о ней въ настоящей книгѣ. Нашу одежду составляли: длинная прочная блуза изъ египетской пеньки, подъ пею обыкновенные на востокѣ широкіе бумажные шаровары; наши цвѣтные платки на головкахъ, хотя довольно простые, были обвязаны *аккалами*, т. е. головными повязками, съ нѣкоторою претензіей на щегольство; просторные красные кожаные сапоги мѣстнаго произведенія довершали нашъ нарядъ.

Но въ большихъ выюкахъ, висѣвшихъ на нашихъ верблюдахъ, было уложено платье болѣе изящнаго вида, тщательно скрытое отъ глазъ бедуиновъ, но предназначенное появиться на свѣтъ, когда мы достигнемъ болѣе населенныхъ и цивилизованныхъ округовъ. Этотъ запасный туалетъ заключалъ въ себѣ слѣдующія вещи: цвѣтныя верхнія платья, сирійскій кембазъ, носовые платки, на которыхъ шолковыя полосы украшали плебейскую бумажную ткань, и пояса изъ хорошаго матеріала, выкрашенные со вкусомъ. Такая одежда была рѣшительно необходима для поддержанія при-

нятыхъ нами на себя ролей. Я предположилъ назваться туземнымъ странствующимъ докторомъ,—знахаремъ, если угодно, и согласно этому, мнѣ необходимо было имѣть приличную одежду для поддержанія кредита моей медицинской практики. Мой товарищъ, который обыкновенно слылъ за моего зятя, являлся иногда въ качествѣ мелочнаго торговца, какіе нерѣдко посѣщаютъ эти страны, а иногда въ качествѣ ученика или товарища по профессіи.

Наша фармакопѣя состояла изъ немногихъ, но отборныхъ снадобій, помѣщавшихся въ небольшихъ плотноукоренныхъ узкихъ ящикахъ, скрытыхъ покамѣсть въ просторныхъ помѣщеніяхъ нашихъ дорожныхъ выюковъ; около пятидесяти такихъ ящичковъ заключали въ себѣ столько матеріаловъ, что ими можно было вылечить или убить половину больныхъ Аравіи. Жидкія лекарства были по возможности устранены, не только въ виду затруднительности безопаснаго перевоза ихъ при такомъ неудобномъ путешествіи, но и по причинѣ быстрого испаренія ихъ въ этомъ сухомъ и знойномъ климатѣ. Дѣйствительно, двѣ или три бутылочки, которыхъ содержаніе казалось мнѣ безусловно необходимымъ, скоро не заключали въ себѣ ничего, кромѣ ярыжковъ, обозначавшихъ что въ нихъ было, несмотря на крѣпко пробитыя пробки и на двойныя покрышки. Я упоминаю объ этомъ въ виду того, что подобное замѣчаніе можетъ пригодиться кому-нибудь, желающему отправиться подобнымъ образомъ для такихъ же походовъ.

Нѣсколько другихъ предметовъ, необходимыхъ для медицинской практики, двѣ или три европейскихъ книги для моего собственнаго употребленія, тщательно скрываемыя отъ арабскаго любопытства, съ двумя-тремя медицинскими трактатами на хорошемъ арабскомъ языкѣ, предназначенные для того, чтобы пустить пылъ въ глаза медицинской ученостью, довершали эту часть нашей поклажи. Но кромѣ ихъ, наши выюки были до-нельзя набиты большимъ запасомъ матеріи, платковъ, стеклянныхъ ожерелій, трубокъ и т. п. для продажи въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя, можетъ быть, не представятъ достаточныхъ удобствъ для врачебной практики. Наконецъ, два большихъ выюка съ кофе,—якорь спасенія и главная надежда нашей торговли,—сами по себѣ составляли значительную тяжесть для одного сильнаго верблюда. Теперь обратимся снова къ нашему пути.

Нѣсколько часовъ скорой рыси унесли насъ далеко отъ Маана, и краснѣющій свѣтъ луны почти угасъ на западѣ, когда наши проводники остановились на небольшой покрытой сухою травой

площадкѣ, среди черной каменистой равнины, и, обмѣнявшись между собою нѣсколькими словами, поставили верблюдовъ на колѣни, развьючили ихъ и пустили пастись на траву, между тѣмъ какъ одинъ изъ людей нашего каравана сталъ на часахъ, а остальные легли спать на нѣсколько часовъ возлѣ сложенного въ одну плотную груду багажа. Но это не былъ сонъ, а кратковременная дремота, и едва первая лсная полоса свѣта появилась на востогѣ подъ серебристою утреннею звѣздою, какъ мы уже встали, снова навьючили верблюдовъ и сѣли на нихъ для дальнѣйшаго путешествія.

Мы проѣхали много скучныхъ миль; было около десяти часовъ дня, и жара сдѣлалась въ высшей степени тягостною, когда мы увидѣли передъ собою нѣсколько разбросанныхъ малорослыхъ деревьевъ, служащихъ признакомъ близости водъ Уок-бы, къ которымъ мы и направили свой путь. Когда мы находились еще въ нѣкоторомъ разстояніи отъ мѣста, одинъ изъ нашихъ бедуиновъ заставилъ своего верблюда пойти аллюромъ въ родѣ курцгалопы и описалъ на немъ кругъ, чтобы увѣриться, не таятся ли по сосѣдству колодезь какія-нибудь личности изъ враждебнаго племени. Но тамъ не оказалось ни друга, ни пѣдруга; все было безмолвно, и разрушенныя стѣпы оставленной деревушки, разсыпавшій тамъ и сямъ по песчанымъ склонамъ и у сухаго русла зимняго потока, имѣли безнадежно пустынный видъ въ назойливомъ блескѣ полудня. Нѣсколько неглубокихъ колодезевъ, изъ которыхъ иные были наполовину завалены камнями, а другіе представляли скудный запасъ грязной солоноватой воды, находились тутъ возлѣ колючихъ деревьевъ. Этою водою мы наполнили свои бурдюки, совершивъ эту операцію тѣмъ болѣе тщательно и искусно, что впереди не предстояло найти въ теченіе пятидневнаго путешествія никакой другой воды, какъ бы мы ни снѣжили,—серьезное соображеніе, въ особенности въ послѣдніе дни іюля.

Когда все это было окончено, мы опять сѣли на своихъ верблюдовъ и направили ихъ прямо къ востоку. Я повернулся, чтобы окинуть взглядомъ обширный ландшафтъ. Синій горный хребетъ Шерраа былъ еще виденъ, хотя почти исчезалъ въ отдаленіи, между тѣмъ какъ впереди и по обѣ стороны разстилалась скучная равнина въ черномъ однообразіи своей безжизненности. Только повсюду лежали озера миража, поддразнивая зрѣніе своими лсными и обманчивыми очертаніями, между тѣмъ какъ тамъ и сямъ темнѣла базальтовая скала, случайно появляясь среди равнины, и увеличива-

лась въ своихъ размѣрахъ отраженіемъ знойной атмосферы до подобія какого-то фантастическаго утеса или нависшей горы. Печальная страна смерти, гдѣ даже лицо врага было бы почти отрадно среди столь полного усидпелія! Но въ теченіе пѣтихъ пяти дней маленькая ящерица долины, которая имѣетъ такой видъ, точно въ ея безобразномъ тѣлѣ никогда не бывало ни одной капли влаги, и *джербона*, т. е. полевая крыса Аравіи, были единственными живыми существами для утѣшенія нашихъ взоровъ.

Это былъ переходъ, во время котораго мы готовы были бы раскаяться въ своемъ предпріятіи, еслибы возможно было дать ходъ подобному чувству или поступить сообразно съ нимъ. День за днемъ мы гнали нашихъ верблюдовъ до ихъ наиболѣе скорого шага, по пятнадцати или шестнадцати часовъ въ сутки, подъ почти вертикальными лучами солнца,—проклиная которые было такъ извинительно эвѳонамъ Геродота,—не имѣя вокругъ себя ни въ окружающей насъ мѣстности, ни въ нашихъ спутникахъ ничего, хотя бы для минутнаго успокоенія глазъ или мысли. Затѣмъ кратковременная остановка, недостаточная для отдыха или сна, на какихъ-нибудь два или три часа, скоро прерываемая безпрестаннымъ предостереженіемъ: „если мы промедлимъ здѣсь, то всѣ умремъ отъ жажды“, далѣе—вѣзаніе на измученныхъ верблюдовъ, поцуканіе ихъ среди почной тьмы, при постоянной вѣролотности паденія и ограбленія со стороны бродячихъ хищниковъ. Что касается меня, то я, въ довершеніе всего, находился подъ подавляющимъ вліяніемъ трехдневной перемежающейся лихорадки, схваченной въ Маанѣ, и среди изнеможенія и унынія началъ серьезно воображать, что впереди не окажется никакой воды, кромѣ воды смерти для насъ и воды забвенія для нашихъ друзей. Дни тянулись томительно, подобно горячечнымъ грѣзамъ, до того, что мы часто не сознавали почвы, по которой мы двигались, и путешествія, которое мы предприняли. Только единственная трава появилась у нашихъ ногъ, для придавіи ландшафту подобія нѣкоторой жизни и разнообразія: это былъ горькій и ядовитый колоквиитъ пустыни.

Порядокъ нашего путешествія былъ слѣдующій. Задолго до разсвѣта мы были уже въ дорогѣ, и шли до тѣхъ поръ, пока солнце, дойдя почти до половины пути между горизонтомъ и зенитомъ, обозначало моментъ остановки для завтрака. Мѣсто для него бедуины всегда старались найти въ какой-нибудь впадинѣ или низинѣ, въ видахъ предосторожности; во всѣхъ другихъ отношеніяхъ мы имѣли полную свободу выбора, потому что одна площадка, покрытая черными кремнями съ небольшимъ количествомъ песку и поблекшей

травы въ промежуткахъ, была совершенно похожа на другую; о тѣни или кровѣ, или о чемъ-либо подобномъ, было нечего и думать, среди „такой наготы земли“. Мы слѣзали съ своихъ верблюдовъ, и я съ своимъ товарищемъ складывали свой багажъ стѣною, чтобы сколько-нибудь укрыться отъ жгучихъ лучей солнца и прилечь на нѣкоторое время. Затѣмъ слѣдовали кулинарные приготовления, вполне соответствовавшія нашимъ припасамъ, которые были довольно просты, а именно: мѣшокъ грубой муки, смѣшанной съ солью, и нѣсколько сушеныхъ финиковъ; никакого третьяго кушанья въ списокъ нашихъ блюдъ не существовало. Мы брали нѣсколько горстей муки, и одинъ изъ бедуиновъ мѣшалъ ее своими немытыми руками или грязнымъ кускомъ кожи, обливая эту муку небольшимъ количествомъ мутной воды изъ бурдюка, и затѣмъ превращалъ это отмѣнное тѣсто въ большую круглую лепешку, толщиною въ одинъ дюймъ и въ пять или шесть дюймовъ въ діаметрѣ. Въ это время другой разводилъ огонь, съ помощью сухой травы, колоквиитовыхъ корней и верблюжьего помета, пока не добывалъ слои пылающей золы. Туда бросали лепешку, тотчасъ же закрывали ее горячимъ пепломъ и оставляли тамъ на нѣсколько минутъ, затѣмъ вынимали, поворачивали и зарывали въ пепелъ снова, до той минуты, когда, наконецъ, она, полувывѣшанная, полусырая, полувспеченная и подгорѣвшая кругомъ, вынималась, раздѣлялась между голодною шайкой и была съѣдаема до-пелъзя горячею, прежде чѣмъ могла бы остынуть и превратиться въ нѣкоторое неописанное, коженopodobное вещество, гарантированное противъ самаго алчнаго аппетита. Глотокъ мутной воды былъ единственнымъ, но приличною приправой къ этому кушанью.

По окончаніи завтрака, намъ снова безъ потери времени приходилось продолжать свой путь отъ миража къ миражу, и за часъ до заката солнца мы слѣзали съ своихъ верблюдовъ, какъ могли, чтобы приготовить вечерній пиръ того же свойства, какимъ отличался завтракъ, или же, — что случалось чаще, изъ опасенія какъ бы дымъ отъ нашего огня не привлекъ издали какого-нибудь бродягу, — довольствоваться сухими финиками и получасовымъ отдыхомъ на пескѣ. Наконецъ, наши финики, подобно хлѣбной сумѣ Эзона или его арабскаго прототипа Бейгаса, истощились; и тогда у насъ былъ солдатскій ужинъ, знакомый моимъ друзьямъ изъ военныхъ; только у насъ не было никакой постели, кромѣ голыхъ камней и песку. Затѣмъ мы опять сѣли на верблюдовъ, и ѣхали при лунномъ или

звѣздномъ свѣтѣ даѣе, чтобы къ полуночи лечь и забыться сномъ, достаточнымъ для того, чтобы подразнить, но не освѣжить.

„Желаешь ли ты сопутствовать мнѣ, добрый читатель, въ арабской поѣздкѣ? Что до меня касается, признаюсь, воспоминаніе объ изящной маленькой повѣсти подъ названіемъ „Спящая красавица“, написанной моимъ другомъ, — если онъ позволитъ мнѣ такъ назвать себя и сослаться на котораго значить упомянуть его имя, — и воспоминаніе о заключающейся въ ней морали, — впрочемъ, такъ насмѣшливо отвергаемой авторомъ — сильно ободрили меня въ этомъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ. „Многимъ не удастся, одинъ успеетъ. Будь увѣренъ, и ты увидишь что нибудь хорошее“. Эти изрѣченія поддерживали мое мужество, и можно сказать по правдѣ „поддержали его для какой-либо полезной цѣли“, хотя, можетъ быть, и не совсѣмъ той, которую имѣлъ въ виду м-ръ Теннисонъ. Но, подобно мнѣ, мой читатель долженъ еще нѣкоторое время преодолевать препятствія пустыни, не теряя мужества, прежде чѣмъ нападетъ на хорошее мѣсто, во всей его красѣ. Въ слѣдующей главѣ намъ предстоитъ увидѣть вѣщи болѣе отрадные.

Въ добавокъ къ тѣмъ поощреніямъ, которыя мой спутникъ и я могли найти въ своихъ мысляхъ и воспоминаніяхъ, наши спутники-бедуины тоже ободрили насъ по временамъ, увѣряя, что этотъ торопливый способъ путешествія рѣшительно необходимъ въ странѣ одинаково опасной какъ отъ засухи, такъ и отъ разбойниковъ, но мы можемъ ожидать болѣе удобныхъ переходовъ и менѣе тяжелыхъ лишений, какъ только достигнемъ крайней границы владѣній Телатэби-Ранида, правителя области Джебель-Шолиръ. Эти желанныя предѣлы, говорили они, — начинаются въ Уади Серханъ, т. е. въ долину Серханъ, къ которой мы быстро приближаемся, и гдѣ вода хороша и изобильна, между тѣмъ какъ могущественное имя Телата защищаетъ всю страну отъ опасностей со стороны враговъ и хищниковъ, какъ днемъ, такъ и ночью.

Много толковали наши бедуины о Телатѣ и превозносили его силу, справедливость, дѣятельную бдительность военную доблесть, хотя въ то же время жаловались на неосновательное подавленіе имъ бедуинской свободы и наложенныя имъ стѣсненія на природенное право помадовъ похищать, грабить и убивать по собственному своему усмотрѣнію. Эти жалобы, вопреки цѣли нашихъ разкашиковъ, скорѣе усилили, чѣмъ уменьшили наше уваженіе къ этому правителю, кто бы онъ ни былъ. Однако же мы, покуда,

могли получить мало точных свѣдѣній относительно личной исторіи или политическаго положенія этого князя. Обладать ли онъ верховною или подчиненною властью, быть ли онъ основателемъ или наслѣдникомъ своего княжества, каковы были свойства или размѣры самаго этого государства, объ этомъ и о многомъ другомъ мы весьма желали узнать отъ Селима, Али и Джорди. Но это не повело ни къ чему: ихъ идеи и объясненія по этому предмету были одинаково смутны. Все, что намъ удалось узнать нѣрное, состояло изъ свѣдѣній, что этотъ вожь живетъ въ городѣ, называемомъ Хайель, находящемся въ Джебель-Шолирѣ, гдѣ-то на юго-востокѣ; что онъ очень могущественъ; что въ его владѣніяхъ ни грабежъ, ни другія нарушенія общественнаго порядка не дозволены; и что отъ Уади Серхана къ югу и востоку его слово—законъ. Мы припуждены были удовольствоваться этими свѣдѣніями до поры до времени, въ надеждѣ, что приближеніе къ владѣніямъ Телата намъ все разъяснитъ.

Было 22-е число іюня, пятый день со времени нашего отправленія отъ колодезь Уокбы. Вода въ бурдюкахъ не представляла для утоленія нашей жажды почти ничего, кромѣ грязной гущи, а между тѣмъ еще не появлялось никакихъ признаковъ новаго запаса. Накопецъ, около полудня, мы увидали направо отъ себя нѣсколько холмовъ изъ сыпучаго песка и песчаника; наши бедуины поговорили между собою и направили караванъ въ ту сторону. „Держитесь крѣпче на своихъ верблюдахъ; такъ они испугаются и прыгнутъ въ сторону“, сказали намъ Селимъ. Я не могъ понять — отчего испугаются верблюды; но перебравшись черезъ упомянутые холмы, мы внезапно набрели на пять или на шесть шатровъ самаго жалкаго вида, которые были поставлены возлѣ нѣсколькихъ колодезь, вырытыхъ внизу въ песчаной впадинѣ. Причина предостереженія со стороны Селима теперь сдѣлалась очевидною: при первомъ взглядѣ на шатры наши, глупыя животныя шарахнулись въ сторону, какъ будто прежде они не видали ничего подобнаго, и побѣжали, причудливо подсакивая, такъ что, отъ этой тряски (бѣгъ верблюда очень похожъ на бѣгъ коровы) и отъ собственного смѣха, мы едва могли держаться на ихъ спинахъ. Однако, жажда скоро преодолѣла страхъ, и они оставили свои проказы, чтобы приблизиться къ краю колодца и погрузить въ воду свои поздры.

Мы слѣзли. Жители шатровъ—нѣсколько женщинъ и одинъ или двое стариковъ-мущинъ, принадлежавшіе къ Шераратскому племени, разсѣянному по всей этой пустынѣ,—тотчасъ же приблизились къ